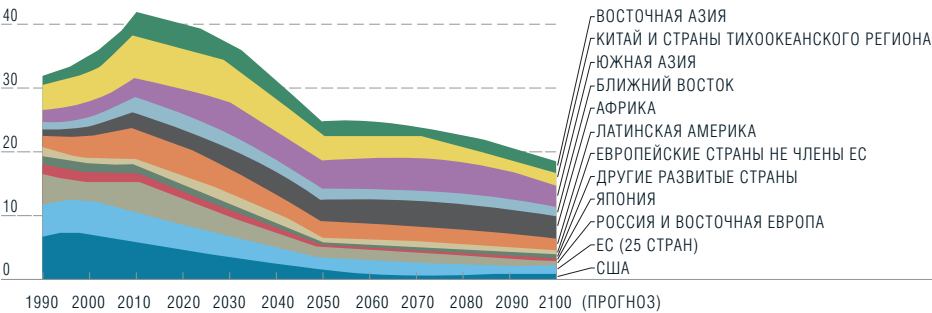
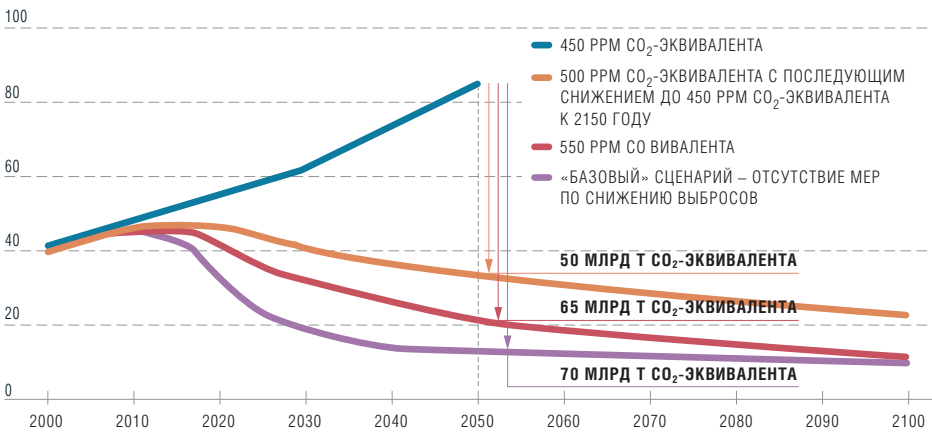

ПЕРЕДОВИКИ ПРОИЗВОДСТВА

ОЦЕНКА ДИНАМИКИ ВЫБРОСОВ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ В РАЗНЫХ СТРАНАХ (МЛРД Т CO₂-ЭКВИВАЛЕНТ)
ИСТОЧНИК: WWW ENERGY TASK FORCE.

ТРАЕКТОРИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫБРОСОВ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ: БАЗОВЫЙ СЦЕНАРИЙ И ВАРИАНТЫ СТАБИЛИЗАЦИИ АТМОСФЕРНЫХ КОНЦЕНТРАЦИЙ НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ (ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫБРОСЫ, МЛРД Т CO₂-ЭКВИВАЛЕНТА)
ИСТОЧНИК: STERN REVIEW ON THE ECONOMICS OF CLIMATE CHANGE.

Тем не менее, хотя большинство стран активно работают по Киотским соглашениям, российские проекты пока находятся в зачаточном состоянии. Из-за законодательных проволочек Россия потеряла время, уступив на старте конкурентной борьбы Китаю и Бразилии, которые резко вырвались вперед, захватив значительную долю рынка ПСО. «Мы слишком долго почивали на лаврах, получив согласие США на вступление в ВТО, — сетует Алексей Кокорин, — и теперь нам приходится догонять. Если мы сейчас активно займемся ПСО, то мы сможем если не догнать Китай, то во всяком случае сильно наступить ему на пятки».

Однако на пути реализации проекта стоят еще и бюрократические препятствия — от недостаточной разработанности российского законодательства до высоких административных барьеров, отпугивающих иностранных инвесторов. Так, правительственное положение «Об утверждении и проверке хода реализации проектов, осуществляемых в соответствии со статьей 6 Киотского протокола» вступило в силу только 28 мая 2007 года. Совместный приказ Минприроды и Минэкономразвития «Об утверждении порядка формирования и ведения российского реестра углеродных единиц» был издан 28 августа (хотя датой выхода значится 7 мая 2007 года, причем в соответствии с постановлением правительства 2005 года приказ должен был выйти еще до 1 июня 2006 года). Так что киотские ПСО существуют пока только на бумаге, хотя в МЭРТе ВГ уверили, что прием заявок начнется уже в октябре этого года.

По словам Георгия Сафонова, все надеются, что процесс согласования по ПСО завершится до конца года, хотя точно спрогнозировать сроки вряд ли кто возьмется: «В принципе подобные препятствия не мешают подготовке и реализации проектов. В Китае, Индии, Бразилии, в Восточной Европе повсю реализуются совместные проекты и привлекаются миллиарды долларов. Это огромный рынок! Спрос со стороны инвесторов тоже огромен, и у России здесь большой потенциал, осталось лишь запустить меха-

низм. Возможности привлечь инвестиции и технологии в решение серьезных глобальных задач есть, вопрос в том, как мы их используем. На данный момент можно сказать, что никак. Этот пятилетний период — с 2008 по 2012 год — очень быстро пролетит. Может получиться так, что к 2013 году у нас не будет никакой системы. Евросоюз, например, запустил свой рынок торговли квотами еще в 2005-м — за три года до начала киотского периода. Пусть он не так хорошо работает, но главное — все поняли, как он действует, и смогут эффективно его использовать в ближайшие пять лет».

ЧТО-ТО ПОСЛЕ КИТО Пока Россия увязла еще на старте реализации киотских проектов, весь мир уже в полный голос обсуждает проблему, что будет в 2013 году — после Киото. Этому посвящены международные переговоры по вопросам изменения климата последних двух лет. Совсем недавно, 31 августа этого года, на конференции ООН в Вене представители 158 стран договорились о том, что развитым странам к 2020 году необходимо сократить прирост выброса парниковых газов на 20–40% по сравнению с уровнем 1990 года. По словам Алексея Кокорина, немцы уже сейчас заявляют, что готовы к 2020 году снизить выбросы на 40%, англичане к 2050-му — на 90%, а китайцы говорят, что снижать начнут не раньше 2040 года.

В заключительном коммюнике венской конференции было подчеркнуто, что 20–40% — это лишь рекомендация, которая может стать базой для дальнейших переговоров в рамках саммита ООН по борьбе с глобальным потеплением, который должен состояться в декабре на острове Бали. На саммите будут обсуждаться цели и задачи государств на посткиотский период (второй учетный период — 2013–2020 годы). Принципиальным отличием нового соглашения должна стать его конкретизация — сколько кому сокращать и в какие сроки, причем в планах также стоит разработка механизма по привлечению к обязательствам и развивающихся стран.

НЕРОЖДЕННЫЕ ДЕТИ КИТО

Благодаря киотским проектам у России есть возможность быстрого перехода на новые технологии и техническое перевооружение. Однако из-за бюрократических проволочек почти все проекты пока существуют только на бумаге. Вот лишь некоторые из них. Первый в России проект в рамках Киото был запущен на предприятиях РАО ЕЭС в 2005

году. «Оренбургэнерго» и «Хабаровскэнерго» и датское Агентство по охране окружающей среды подписали договор о продаже квот на выбросы парниковых газов в результате реконструкции станций. На Амурской ТЭЦ-1 ОАО «Хабаровскэнерго» планируется перевод двух котлов на газообразное топливо, на Медногорской ТЭЦ ОАО «Оренбургэнерго» — установка паровой блочной турбины типа

ТГ-3,5/10,5 и двух блочных газотурбинных установок типа АТГ-10. Объем инвестиций должен составить около €6 млн. Еще одним совместным проектом, реализуемым в рамках Киотского протокола, стала совместная работа «Север-сталь-ресурса» и STEAG Energie (Германия) по усовершенствованию системы дегазации и утилизации шахтного метана на предприятиях «Воркута-

уголь» в Республике Коми. В рамках проекта будут заменены силовые установки, что позволит более эффективно использовать метан, откачиваемый из угольных шахт при добыче угля. Эти меры направлены на сокращение выбросов парниковых газов, а также на выработку дополнительной энергии. Предполагается, что к 2010 году мощность оборудования может достичь 62 МВт.

АЛЕКСЕЙ КОКОРИН — ГЛАВНЫЙ ЭНТУЗИАСТ РОССИИ ПО КИОТСКОМУ ПРОТОКОЛУ

Главной задачей посткиотских соглашений становится не только выработка механизмов глобальной климатической политики по снижению выбросов, но и стимулирование инновационного экономического развития. По мнению экспертов, для России это пока не означает серьезной проблемы. «Сегодня наши выбросы примерно на треть меньше, чем уровень 1990 года, — говорит Георгий Сафонов. — Это минус 30%. Конечно, наша экономика будет дальше развиваться, но представить, что выбросы у нас быстро вырастут, можно только в самых страшных снах. Для того чтобы достичь базового уровня, так сказать, нашу „подушку“ в 30% „съесть“, нужно найти где-то миллион шахтеров, добыть угля примерно в два раза больше, чем сейчас, и суметь его еще как-то сжечь. В общем, это недостижимый вариант. Скорее всего, у нас будет приличный задел минимум в 15–20%. Это значит, что обязательства на посткиотский период — до 2020 года — для нас вполне достижимы. Желательно при этом еще разработать комплекс мер по снижению выбросов,

четко определить стратегию, чтобы снижать, не подвергаясь рискам. Такая стратегия предполагает инвестиции в инновации. Чем хорош Киотский протокол — он закладывает возможность использования рынка для снижения выбросов через повышение энергоэффективности, через модернизацию производственных технологий, ЖКХ и всего, что у нас находится в печальном состоянии. Это, кстати, относится в том числе и к лесному хозяйству, о котором часто забывают».

Алексей Кокорин с определенным оптимизмом смотрит на будущее после Киото: «Наконец, после всех пинков с самого верха, переговорщики согласились, что надо установить конкретные показатели снижения выбросов к середине века. Теперь есть ориентиры на 2020 год. С ним, правда, будет сложнее, потому что у некоторых стран в это время будет самый пик выбросов. Во всяком случае, уже есть реальные цифры, до этого были лишь общие рассуждения. Так что мы прошли очень долгий период осознания». ■

«СЕГОДНЯ ВЫБРОСЫ РОССИИ ПРИМЕРНО НА ТРЕТЬ МЕНЬШЕ, ЧЕМ В 1990 ГОДУ. ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ЭТУ „ПОДУШКУ“ В 30% „СЪЕСТЬ“, НУЖНО НАЙТИ ГДЕ-ТО МИЛЛИОН ШАХТЕРОВ, ДОБЫТЬ УГЛЯ ПРИМЕРНО ВДВОЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС, И СУМЕТЬ ЕГО ЕЩЕ КАК-ТО СЖЕЧЬ»

ПЕРЕДОВИКИ ПРОИЗВОДСТВА